

УДК 1.14

ЕДИНСТВО СОЗНАНИЯ: РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ*С.Ф. Нагуманова***Аннотация**

В статье рассматриваются конкурирующие подходы относительно трактовки единства сознания. Показывается различие между феноменальной и репрезентациональной трактовками единства сознания, а также между холистическим и атомистическим подходами. Более правдоподобными автор считает репрезентациональный и холистический подходы.

Ключевые слова: сознание, единство сознания, феноменальное единство, репрезентационализм, холизм, атомизм.

Единство сознания в обыденном смысле означает, что в каждый данный момент времени субъект может одновременно ощущать самые разные переживания – зрительные, слуховые, телесные ощущения, различные мысли и эмоции – и все они содержатся в одном поле сознания. То, что сознание едино, кажется феноменологически очевидным и тривиальным. Однако философы по-разному трактуют как сознание, так и единство сознания.

Принято считать, что у сознания имеется два необходимых свойства (квалитативность и субъективность), без объяснения которых не может быть настоящей теории сознания. Является ли единство таким же необходимым свойством сознания? Одни теоретики считают, что сознание необходимо едино. Другие полагают, что сознание обычно едино, но в некоторых случаях единство отсутствует. Третьи утверждают, что сознание обычно не является единым. Ответы зависят от того, как трактуется единство. В теоретической трактовке единства разногласия возникают по следующим вопросам: что такое единство сознания и как объясняется единство сознания. Если сознание не может не быть единым, то это налагает новое требование к теории сознания: она должна объяснить не только квалитативный и субъективный характер сознания, но и его единство. В настоящей статье рассматриваются различия между конкурирующими феноменальной и репрезентациональной трактовками единства сознания, а также между холистическим и атомистическим подходами. Главное внимание уделено книге Т. Бэйна «Единство сознания», которую С. Шумейкер в своём обзоре назвал наиболее всесторонним рассмотрением данной темы [1].

Тим Бэйн предлагает феноменальный подход к единству сознания. Он выделяет три вида единства: субъектное, репрезентациональное и феноменальное. Субъектное единство означает, что все сознательные состояния, которые переживает один и тот же субъект, можно считать субъектно объединёнными.

Субъектное единство он отвергает как тривиальное. В самом деле, тривиально, что каждое сознательное состояние субъекта связано с другими его сознательными состояниями потому, что они принадлежат одному и тому же субъекту.

Репрезентационное единство не тривиально. Бэйн это признаёт, он пишет: «Сознательные состояния репрезентационно объединены в той степени, в какой их содержания интегрированы друг с другом»¹ [2, р. 10]. Репрезентационное единство встречается в разных формах; среди них, например, интеграция содержания сознания касательно воспринимаемого объекта, или «объектное единство», как его называет Бэйн. Воспринимаемые черты в норме репрезентируются не изолированными состояниями сознания, они связаны вместе в виде воспринимаемого объекта. Репрезентационное единство может объединять многие объекты в одном поле восприятия. Тем не менее концепцию сильного репрезентационизма Бэйн считает неправдоподобной. С точки зрения сильного репрезентационизма, который отождествляет феноменальные свойства сознания со свойствами репрезентации и который является и моей позицией, феноменальное единство – это репрезентационное единство, поскольку сознание есть не что иное как особая форма репрезентации.

Однако Бэйн считает более глубоким и вместе с тем более простым третий вид единства – феноменальное единство. Он приводит следующий пример: представьте себе, каково это слышать румбу на стереопроекторе, в то время как бармен готовит мохито. Эти два переживания могут принадлежать одному субъекту, то есть быть субъектно объединены. Они могут быть репрезентационно объединены, поскольку звуки румбы доносятся из-за бармена. «Но сверх и помимо этих единств имеется более глубокое и более простое единство: тот факт, что эти два переживания имеют характер объединённого переживания. Есть нечто, каково это слышать румбу, есть нечто, каково это видеть работу бармена, и есть нечто, каково это слышать румбу, в то время как видишь работу бармена» [2, р. 10–11].

Центральный тезис книги Бэйна – это «тезис единства». Он формулируется им так: «Необходимо, что для любого сознательного субъекта переживания (S) в любое время (t) одновременные сознательные состояния, которые S имеет в t , будут включены (will be subsumed) в единое сознательное состояние – тотальное сознательное состояние субъекта» [2, р. 16]. «Тезис единства» ограничивается только синхроническим единством, единством сознания в данный момент; диахроническое единство может отсутствовать.

Единственный аргумент Бэйна в пользу «тезиса единства» – это интроспекция. И, хотя он пытается вывести «тезис единства» из суждения интроспекции о наличии единства, всё же остаётся впечатление, что с помощью интроспекции мы всего лишь фиксируем экспланандум.

Тезис о феноменальном единстве мог бы показаться таким же тривиальным, как и субъектное единство, если бы не слово «необходимо». Дело в том, что известно много разных форм психопатологии, когда, согласно общепринятому толкованию, единство сознания отсутствует. Бэйн идёт против общепринятого толкования этих случаев в когнитивной науке. Он настаивает на том, что, даже

¹ Здесь и далее перевод наш. – С.Н.

когда нарушается репрезентациональное единство, феноменальное единство сохраняется.

Бэйн противопоставляет феноменальное единство репрезентациональному. Но почему бы не отождествить их? Такая трактовка допускает редуктивное объяснение единства. Однако Бэйна мало интересует вопрос о связи сознания и физического мира. Он исходит из предпосылки, что сознательные состояния фундированы (grounded) в нервных состояниях, но больше никаких пояснений не даёт (см. [2, р. 4]). Бэйн ограничивается феноменологическим уровнем исследования. Впрочем, он принимает слабый репрезентационализм, который позволяет связать феноменальное единство с репрезентациональным, но не на уровне каждого феномена сознания, а на уровне сознания в целом.

Бэйн предлагает мереологическое объяснение феноменальному единству сознания, то есть объяснение в терминах отношений целого и части между феноменальными состояниями. «Два сознательных состояния феноменально объединены тогда и только тогда, когда они со-включены (co-subsumed)» [2, р. 20]. «Возьмите два феноменально объединённых состояния, например два визуальных переживания (v_1 и v_2). Эти переживания феноменально объединены друг с другом в силу того факта, что они имеют место как части более сложного визуального состояния v_3 » [2, р. 48]. Вряд ли можно назвать приведённое утверждение объяснением, это, скорее, описание экспланандума, нежели эксплананс. Отношения целого и части, отношение «со-включённости» не объясняют, почему сознательные состояния должны быть объединены.

Трудно принять некоторые его интуиции. Например, о том, что для объединения двух переживаний А и Б необходимо третье переживание В, которое является переживанием А и Б вместе. «Феноменальное поле в целом, – пишет Бэйн, – является переживанием, которое содержит в себе другие переживания, расположенные одно внутри другого, как в русской матрёшке» [2, р. 21]. А в десятой главе метафора матрёшки сменяется метафорой лоскутного одеяла, которая создаёт совсем иной образ.

Феноменальное единство может быть объяснено в терминах репрезентационального подхода. Бэйн анализирует попытки объяснить феноменальное единство, но обращается лишь к содержанию репрезентации. Он фокусируется на утверждении, что феноменальное единство можно понять в терминах конъюнктивного замыкания феноменального содержания, или просто «замыкания» (для краткости). «Если замыкание истинно, то v_1 и v_2 будут феноменально объединены, если и только если у субъекта имеется состояние v_3 , содержанием которого является конъюнкция содержаний v_1 и v_2 . Если v_1 имеет содержание $\langle p \rangle$, а v_2 имеет содержание $\langle q \rangle$, то v_3 будет иметь содержание $\langle p \& q \rangle$. И если у субъекта нет переживания с содержанием $\langle p \& q \rangle$, то из этого следует, что v_1 и v_2 не могут быть феноменально объединены друг с другом» [2, р. 48].

Бэйн рассматривает четыре возражения против такой трактовки феноменального единства. Он считает, что три возражения имеют правдоподобные ответы, но четвёртое возражение концепция «замыкания» не выдерживает, что свидетельствует, по мнению Бэйна, о неправдоподобности репрезентационального подхода.

Первое возражение состоит в том, что сознательное переживание с противоречивым содержанием может быть единым, но сознательное состояние не может иметь противоречивое содержание. Последнее ограничение, касающееся содержания сознания, довольно распространено в литературе.

Вместе с тем существуют многочисленные примеры противоречивости в сознании. Например, иллюзия водопада состоит в том, что если некоторое время смотреть на водопад, а потом перевести взгляд на стационарный объект, то он будет казаться движущимся и не движущимся. Другой пример – невозможные изображения, когда на картине мы видим то, что невозможно в действительности. Существует также несовместимость между разными модальностями, например, когда содержание визуального переживания противоречит проприоцепции. Наконец, возможно противоречие между содержанием восприятия и суждением о воспринимаемом. В иллюзии Мюллера – Лайера два отрезка кажутся нам разной длины, даже если мы знаем, что они имеют одинаковую длину.

Бэйн предлагает верное, на мой взгляд, решение: надо отказаться от предпосылки, согласно которой сознательное состояние не может иметь противоречивое содержание.

Второе возражение можно назвать «возражение пёстрой курицы». Допустим, у пёстрой курицы 12 видимых крапинок. Маловероятно, что, бросив на неё взгляд, вы сможете сказать точно, сколько у неё крапинок. Но если это так, то содержания вашего визуального переживания не будут конъюнктивно замкнутыми, несмотря на то что они будут объединены. Дело в том, что, согласно некоторым трактовкам содержания восприятия, переживание может репрезентировать $\langle p \rangle$, только если субъект может утверждать, что $\langle p \rangle$ на основе этого восприятия.

Ответ на это возражение связан с особенностями нашей визуальной системы. Визуальное переживание репрезентирует лишь то, что курица пёстрая, не репрезентируя каждую крапинку в отдельности. Вполне возможно, что визуальное переживание репрезентирует курицу как имеющую 12 крапинок, но, чтобы неконцептуальное содержание восприятия было доступно суждению, необходимо, чтобы оно было концептуализировано. Узкие места в процессе обработки информации могут этому помешать. Таким образом, все 12 крапинок могут быть конъюнктивно замкнуты, но субъект не может это выразить в суждении.

Другой пример – апперцептивная (интегративная) агнозия, состояние, в котором пациенты могут видеть части объектов, но не видят объекты как целое. Например, они могут видеть колёса, бампер, корпус машины, но не могут сформировать визуальный образ машины как единого объекта. У пациентов имеются визуальные переживания с содержаниями $\langle p \rangle$ и $\langle q \rangle$, но нет визуального переживания $\langle p \& q \rangle$.

В данном случае имеет место явное нарушение единства сознания, но является ли апперцептивная агнозия нарушением феноменального единства сознания? Бэйн уверен, что нет. «Хотя содержания переживаний агнозика машины не являются репрезентационально интегрированными должным образом, у нас нет оснований отрицать, что они феноменально объединены друг с другом в контексте единого общего визуального состояния... содержания визуальных переживаний агнозика являются конъюнктивно замкнутыми... Что нарушается

в агнозии, так это не замыкание, а определённого вида репрезентационная интеграция, которую мы можем назвать репрезентационным холизмом... Есть разница между видением частей объекта вместе и видением частей объекта как частей одного объекта. Замыкание не требует, чтобы репрезентация локальных черт была интегрирована в перцептуальный гештальт» [2, р. 60–61].

Я согласна с Бэйном, феноменальное единство здесь не нарушено, а репрезентационное нарушение есть. Но это не значит, что феноменальное единство не является репрезентационным. Это лишь говорит о том, что феноменальное единство – это не единственный вид репрезентационного единства. Внутри сознания на фоне феноменального единства возможна иная форма репрезентационной интеграции, которую Бэйн называет репрезентационным холизмом, но лучше обозначить её как семантическую интеграцию, которая, в отличие от феноменального единства, не является необходимой.

Третье возражение против концепции замыкания состоит в том, что она не может объяснить единство между перцептуальными переживаниями разной модальности, например визуальной и тактильной. Согласно замыканию здесь должно быть такое психическое состояние, содержание которого соответствует конъюнкции содержаний обоих переживаний. Какого рода это состояние? Ясно, что не визуальное и не тактильное. Ответ на это возражение предлагается простой: это мультимодальное восприятие.

Четвёртое возражение является продолжением третьего и выражается вопросом: какого рода психическое состояние может объединить не просто ощущения разной модальности, но и мысли, воспоминания, телесные ощущения, эмоции, желания и переживания действия? Бэйн отвергает решение этого вопроса Д. Принцем, который предложил считать всё сознание перцептуальным (когда общим родом для всех видов переживаний является восприятие). Но в таком случае получается, что сознательная мысль не имеет феноменального характера.

Другое решение предлагает так называемое мониторинговое объяснение сознания, согласно которому психические состояния являются сознательными в силу того, что они репрезентируются определённым образом. Единство между желанием и суждением (двумя интенциональными состояниями разной формы) следует искать не в состоянии, которое может «унаследовать» содержание того и другого, а в состоянии, которое репрезентирует их содержания конъюнктивно. Согласно Д. Розенталю, например, таким состоянием может быть мысль, имеющая своим содержанием следующее: «Я считаю, что p , и я хочу, чтобы q ». Бэйн отвергает эту теорию. В самом деле, трудно согласиться с тем, что сознательным некоторое психическое состояние делает мысль о том, что я нахожусь в этом состоянии. Таким образом, на четвёртое возражение, которое является продолжением третьего, Бэйн не находит ответа и делает вывод о несостоятельности концепции замыкания и сильного репрезентационизма.

На мой взгляд, психические состояния действительно становятся сознательными в силу того, что они репрезентируются определённым образом. Они репрезентируются в сознании. Сознание есть феноменальная репрезентация, которая и является тем искомым состоянием, способным объединить содержания всех разнообразных психических состояний субъекта. Бэйн свёл репрезентационный подход лишь к ссылке на содержание репрезентации, но имеют

значение и средства репрезентации. Средствами феноменальной репрезентации являются квалиа.

Д. Сёрл подчёркивает, что все три аспекта сознания – квалитативность, субъективность и единство – логически взаимосвязаны, один вытекает из другого. Сёрл даже пишет, что лучше трактовать их не как разные черты, а как разные аспекты одной и той же черты [3, р. 39]. Эти три аспекта неотделимы друг от друга, они подразумевают друг друга. «Сознательное состояние... по определению является единым, и это единство вытекает из субъективности и квалитативности, потому что нет другого способа иметь субъективность и квалитативность, кроме как в форме единства» [3, р. 41].

Напомню о том, что означает квалитативный (качественный) характер сознания. Сознание в каждый момент времени качественно неоднородно, то есть у него есть некоторая структура. Для каждого субъективного качества (квейла) есть нечто, каково это испытывать данное качество. Второй аспект – субъективность – означает, что сознательные переживания существуют, если только они переживаются некоторым субъектом. Иными словами, сознательные состояния по природе своей субъективны. Квалитативность предполагает субъективность. Качества (или квалиа) сознания существуют только потому, что существует субъект, который эти качества переживает. Нет субъективности, нет сознания, нет разнообразных качеств.

Сёрл считает, что большинство нейробиологов принимают исследовательскую стратегию, которую он назвал подходом строительных блоков. В литературе её часто называют атомистическим подходом. Данная стратегия заключается в следующем: сначала нужно найти нейронные корреляты для разных элементов феноменального поля (например, у ощущения красного цвета есть свой нейронный коррелят, это же касается и ощущения запаха розы и др.), а потом из этих строительных блоков построить поле сознания в целом. Вполне правдоподобная стратегия, многие учёные полагают, что так и выстроится в будущем феноменальное поле сознания в целом. Но Сёрл предлагает альтернативный подход, который он назвал моделью «единого поля». Согласно этому подходу «не существует строительных блоков, скорее, существуют модификации уже существующего поля квалитативной субъективности» [3, р. 42–43].

Сёрл призывает мыслить сознание холистически: не существует отдельного визуального, тактильного и т. п. сознания. Чтобы испытать визуальное переживание, субъект должен уже быть в сознании, иметь поле сознания, а визуальное переживание есть лишь модификация этого поля.

Модели единого поля, по мнению Сёрла, соответствует другая исследовательская стратегия: необходимо исследовать общее состояние сознающего мозга в противоположность состоянию несознающего мозга, чтобы понять, как мозг создаёт в первую очередь единое поле сознания. Это подход не снизу вверх, а сверху вниз.

Холистический подход к сознанию, как мне представляется, лучше соответствует феноменологии сознания, чем атомистический. В самом деле, характер визуального переживания зависит не только от входящего сигнала, но и от свойств единого поля сознания. Об этом свидетельствует, например, тот факт,

что направление внимания на один из феноменов поля сознания делает данный феномен более чётким, более детальным.

Вместе с тем трудно понять, что имеет в виду Сёрл, когда пишет, что сначала должно быть поле сознания, а уже потом возможны его модификации. Как понимать это изначальное поле сознания? Как чистое сознание? Люди, занимающиеся восточными практиками, ставят перед собой цель достижения чистого сознания. Но об этом ли писал Сёрл?

Изначальное поле сознания можно представить математически в виде некоторого пространства возможных состояний с огромным количеством параметров, при этом число возможных состояний ограничено, потому что наше сознание имеет определённую ёмкость. Данное пространство может принимать различные значения в зависимости от входящих стимулов. И в результате мы имеем самую разную феноменологию. Само пространство возможных состояний, или матрица, если можно так выразиться, существует заранее, а вот значения, которые принимает эта матрица, и представляют собой те самые квалиа, средства феноменальной репрезентации.

Трудно представить себе сознание вообще без содержания, такого, скорее всего, быть не может. По всей вероятности, при отсутствии содержания нет и сознания, есть только потенциальное сознание – та матрица, которая при определённой активации может начать заполняться содержанием. Стимулы из сенсорных каналов разной модальности, конкурируя между собой, будут передавать различную информацию – так будет заполняться это пространство, и оно действительно будет принимать разные значения. То есть не домик строится из кирпичиков, а уже готовая матрица принимает определённые значения в форме различных квалиа. Либо организм спит, и никакого содержания здесь нет, за исключением фаз быстрого сна, либо матрица активизируется и начинает заполняться каким-нибудь содержанием. Совершенно необязательно, чтобы активизирующие стимулы шли от органов чувств: в памяти уже содержится достаточное количество информации, чтобы создать довольно отчётливое, иногда даже очень яркое феноменальное поле.

Таким образом, из рассмотренных выше подходов к объяснению единства сознания наиболее правдоподобными мне представляются репрезентациональный и холистический подходы.

Summary

S.F. Nagumanova. The Unity of Consciousness: Different Approaches.

The paper considers rival approaches to the unity of consciousness. Differences between the phenomenal and representational interpretations of this notion, as well as between the holistic and atomistic approaches to it have been demonstrated. The representational and holistic approaches appear more plausible.

Keywords: consciousness, unity of consciousness, phenomenal unity, representationalism, holism, atomism.

Литература

1. *Shoemaker S.* Review of Tim Bayne, *The Unity of Consciousness* // *Notre Dame Philosophical Reviews*. – URL: <http://ndpr.nd.edu/news/24579/?id=22371>, свободный.
2. *Bayne T.* *The Unity of Consciousness*. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. – 341 p.
3. *Searle J.* *Consciousness* // *Searle J. Consciousness and Language*. – Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 2002. – P. 36–60.

Поступила в редакцию
25.10.14

Нагуманова Светлана Фарвазовна – доктор философских наук, доцент кафедры истории, философии, социологии и политологии, Казанский государственный медицинский университет, г. Казань, Россия.

E-mail: nagoutan@mail.ru